

Фейербах Людвиг Андрекс

Сущность христианства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л93

Л93 **Людвиг Андрес Ф.**
Сущность христианства / Фейербах Людвиг Андрес – М.: Книга по Требованию, 2023. –
383 с.

ISBN 978-5-519-78888-5

ISBN 978-5-519-78888-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Тогда Фейербахъ рѣшилъ создать себѣ нѣчто противоположное этимъ безплоднымъ и нескончаемымъ исканіямъ въ области чистыхъ понятій и обратился къ изученію опытныхъ естественныхъ наукъ. «Теперь я буду изучать естественныя науки»,—сказалъ онъ Гегелю на прощанье.

Будучи стипендіатомъ короля баварскаго, Фейербахъ долженъ былъ провести еще годъ въ королевскомъ университетѣ и, чтобы закончить курсъ, онъ отправился въ Эрлангенъ. Здѣсь онъ занялся анатоміей, затѣмъ ботаникой и фізіологіей. Благодаря этимъ занятіямъ, возникло и окрѣпло въ немъ эмпирико-натуралистическое, далекое отъ метафізики направленіе, которое онъ и впослѣдствіи развивалъ и никогда не оставлялъ. Такимъ образомъ, уже во время своихъ студенческихъ занятій Фейербахъ пережилъ три стадіи развитія, которыя, по Конту, проходитъ въ своемъ развитіи все человѣчество: періодъ теологіи, затѣмъ метафізики и, наконецъ, позитивныхъ наукъ. Каждая изъ этихъ трехъ стадій развитія олицетворялась для него однимъ изъ трехъ университетовъ, которые онъ посѣщалъ: Гейдельбергъ, Берлинъ, Эрлангенъ.

Въ 1828 г. Фейербахъ формально закончилъ свое образованіе защитой диссертациі въ Эрлангенѣ и затѣмъ при этомъ же университетѣ остался въ качествѣ приватъ-доцента философіи. Но его академическая дѣятельность не увѣнчалась успѣхомъ. Очевидно, онъ не былъ рожденъ ораторомъ и не обладалъ тѣми качествами, которыя создаютъ вліятельныхъ доцентовъ. Сверхъ того, онъ не могъ разсчитывать на пониманіе и идейное сочувствіе со стороны тѣхъ, кто находился подъ вліяніемъ философіи Гегеля или Шеллинга; послѣдній, не задолго до того, тоже читалъ лекціи въ Эрлангенѣ. Фейербахъ скоро убѣдился въ томъ, что ему нельзя и думать объ успѣхѣхъ на академическомъ поприщѣ. Въ это время (1830) вышло его первое большое сочиненіе: «Gedanken über Tod und Unsterblichkeit» («Мысли о смерти и безсмертіи»); и хотя оно появилось анонимно, но имя автора вскорѣ стало всѣмъ извѣстно. Въ этомъ трудѣ радикальная, революціонная позиція по отношенію къ теологіи выразилась весьма ярко, и Фейербахъ скоро убѣдился въ правотѣ своего отца, который писалъ ему: «этой книги тебѣ никогда не простятъ, и ты никогда не получишь мѣста». Вначалѣ онъ еще настолько поддавался оптимизму, что вновь попытался получить профессорскую кафедру, но потомъ онъ окончательно убѣдился въ безуспѣшности своихъ попытокъ и въ 1832 г. совершенно отказался отъ всякой академической дѣятельности.

На полное крушеніе своихъ надеждъ въ сферѣ академической дѣятельности и положенія Фейербахъ взглянулъ спокойно и даже усмотрѣлъ въ немъ конецъ тому исканію внѣшняго благополучія, которое претило всей его натурѣ. Его созерцательный характеръ не подходилъ къ общественной жизни; его энергичное, беззавѣтное и, если можно такъ выразиться, дико-необузданное стремленіе къ правдѣ, которое такъ характерно выразилось въ его словахъ: «я желалъ бы скорѣе быть дьяволомъ въ союзѣ съ правдой, чѣмъ ангеломъ въ союзѣ съ ложью», наконецъ, весь его честный, правдивый характеръ совсѣмъ не соотвѣтствовали положенію человѣка, состоящаго на государственной службѣ.

«Сознавая, что мой духъ рѣзко расходится съ привилегированнымъ и свѣше санкціонированнымъ духомъ, я въ глубинѣ своей души никогда и не надѣялся на профессуру и не спекулировалъ на нее; я искалъ только мѣста, гдѣ я могъ бы жить свободно, безъ помѣхи, отдаваясь наукѣ, развитію и выраженію нарождавшихся во мнѣ идей и настроеній. Я обрѣлъ такое мѣсто въ деревнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я поселился здѣсь, главными объектами моей дѣятельности стали природа и религія».

Деревня, въ которой Фейербахъ провелъ большую часть своей жизни, находилась въ окрестности Ансбаха и называлась Брукбергъ. Здѣсь онъ и женился, въ слѣдующемъ 1837 году, на Бертѣ Лёвѣ, совладѣлицѣ мѣстной фабрики, и жилъ очень счастливо. Въ 1860 г. онъ переѣхалъ въ Рехенбергъ близъ Нюрнберга, гдѣ и оставался до самой смерти, въ тихомъ деревенскомъ уединеніи.

Въ условіяхъ такого деревенскаго досуга и народились всѣ его главнѣйшія произведенія: «Die Geschichte der neueren Philosophie», 1833—37 («Исторія новѣйшей философіи») въ двухъ томахъ съ двумя обширными монографіями о Пьерѣ Бэйлѣ и Лейбницѣ; «Kritik der Hegelschen Philosophie», 1839 («Критика философіи Гегеля»); самое большое произведение: «Wesen des Christentums», 1841 («Сущность христіанства») съ дополнительнымъ трактатомъ «Das Wesen der Religion», 1845 («Сущность религіи») и, наконецъ, его послѣдній крупный трудъ: «Theogonie», 1857 («Теогонія»).

Только два раза измѣнялъ онъ своему глубокому уединенію: во-первыхъ, по просьбѣ Арнольда Руге онъ сотрудничалъ въ его «Jahrbücher», издававшихся въ Галле; такимъ образомъ, онъ принялъ хотя временное участіе въ литературной и политической борьбѣ того времени, но уже нѣ-

сколько лѣтъ спустя онъ навсегда удалился отъ нея. Затѣмъ онъ предпринялъ большое путешествіе по юго-западной Германіи и получилъ приглашеніе отъ гейдельбергскихъ студентовъ читать имъ лекціи по философіи религіи. Эти лекціи появились въ свѣтъ въ 1851 г. подъ названіемъ: *Vorlesungen über das Wesen der Religion* («Лекціи о сущности религіи»). Впрочемъ, даже бурный 1848-й годъ не побудилъ его выйти изъ уединенія и выступить на аренѣ общественной жизни.

Одно обстоятельство нарушило это идиллическое деревенское уединеніе въ послѣдніе годы и сильно всколыхнуло его жизнь: голодъ и борьба съ нимъ. Этотъ призракъ уже давно угрожалъ ему, частью благодаря тому великодушію, съ которымъ онъ щедро всѣмъ помогалъ, и частью благодаря его непрактичному, безбарышному веденію хозяйства. Дѣла той фабрики, сопайщицей которой состояла его жена, сильно пошатнулись, и онъ долго поддерживалъ ее доходомъ отъ своихъ книгъ, пока однажды не случилась катастрофа, которая и раззорила его окончательно. Временами его нужда бывала такъ велика, что одинокому мыслителю суровою зимою нечѣмъ было даже отопить свой кабинетъ, и въ одинъ изъ такихъ моментовъ потрясающій вопль отчаянія вырвался у этого сильнаго человѣка, духъ котораго ничему не покорялся: «Мучительно сознавать, что ты ничто, оттого что ничего не въ состояніи сдѣлать, а ничего не въ состояніи ты сдѣлать, потому что ничего не имѣешь. Я, конечно, значу очень мало, по крайней мѣрѣ, для міра, но это только потому, что я обладаю малымъ. Дайте мнѣ больше (средствъ), и я буду значить больше: кто немогъ, у того нѣтъ воли».

Послѣдніе годы его жизни протекли для него нѣсколько спокойнѣе, благодаря заботамъ преданныхъ друзей и почитателей, число которыхъ возросло не только въ Германіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Но умеръ онъ въ 1872 г. такимъ же одинокимъ отшельникомъ не отъ міра сего, какимъ онъ прожилъ свою жизнь. На похоронахъ, состоявшихся въ той же глухой франконской деревушкѣ, ни въ чемъ не проявилось значеніе того, кого несли къ могилѣ. Только самые близкіе друзья сознавали, что потеряли благороднѣйшаго, безкорыстнѣйшаго человѣка, что міръ лишился въ его лицѣ духовнаго вождя — благодѣтеля, мудреца и борца за свободу.

Д-ръ М. Хроменбергъ.
(„*Moderne Philosophen*“).

Предисловіе къ I-му изданію.

Разсѣянные въ различныхъ работахъ и большею частью лишь случайно набросанныя афористическія и полемическія мысли автора о религіи и христіанствѣ, о теологіи и спекулятивной философіи религіи преподносятся благосклонному и неблагосклонному читателю въ предлагаемомъ сочиненіи не только въ сконцентрированномъ, но и во вновь переработанномъ, развитомъ и строго обоснованномъ видѣ; въ нихъ кое-что сохранено и измѣнено, урѣзано и уширено, смягчено и рѣзче обозначено постольку, поскольку того требовалъ предметъ изложенія и поскольку то было необходимо; но ни въ какомъ случаѣ вопросъ ими не исчерпывается, хотя уже по той причинѣ, что авторъ, врагъ туманныхъ обобщеній, здѣсь, какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, ограничивался разработкой вполне опредѣленной темы.

Предлагаемое сочиненіе содержитъ лишь *основы*, лишь критическіе элементы философіи позитивной религіи или откровенія, но, разумѣется, оно предполагаетъ философію религіи не въ дѣтски фантастичномъ смыслѣ нашей христіанской миѳологіи, которая придаетъ всякой дѣтской сказкѣ въ исторіи значеніе были, и не въ педантичномъ смыслѣ спекулятивной философіи религіи, которая, какъ нѣкогда схоластика, ничтоже сумняшеся, объявляла *articulus fidei* (членъ символа вѣры) логически-метафизической истиной.

Спекулятивная философія религіи жертвуетъ религіей ради философіи, а христіанская миѳологія поступаетъ философией ради религіи. Первая дѣлаетъ религію игрушкой спекулятивного сумасбродства, а послѣдняя обращаетъ разумъ въ игрушку фантастичнаго религіознаго матеріализма; первая даетъ возможность религіи сказать лишь то, что она сама продумала и лучше знаетъ; а послѣдняя заставляетъ религію говорить именемъ разума; первая, будучи не въ силахъ отрѣшиться *отъ себя*, выдаетъ символы религіи за свои собственныя *мысли*, а послѣдняя, утративъ способность прійти *въ себя*, выдаетъ символы за дѣйствительныя *вещи*.

Само собой разумѣется, что философія или религія въ общемъ, т. е. независимо отъ ихъ специфическаго различія, тождественны; что символы религіи одновременно выражаютъ мысли и вещи (ибо одно и то же существо и вѣруетъ и мыслить); что всякая опредѣленная религія, всякая вѣра есть въ то же время мысль, ибо совершенно невозможно, чтобы кто-нибудь вѣрилъ въ то, что противорѣчитъ, по крайней мѣрѣ, его представленію и мышленію. Такъ, чудо для вѣрующаго въ него не представляетъ собой ничего противорѣчащаго его разуму; наоборотъ, оно ему представляется чѣмъ-то естественнымъ, произведеніемъ божественнаго всемогущества, которое въ свою очередь имъ принимается также за вполне естественное представленіе. Для вѣрующаго воскресеніе плоти такъ же ясно и такъ же естественно, какъ восходъ солнца послѣ заката, пробужденіе весны послѣ зимы, появленіе растенія изъ положеннаго въ землю зерна. Только тогда, когда человѣкъ перестаетъ жить, чувствовать и думать сообразно съ вѣрой, и, слѣдовательно, вѣра не есть ужъ для него глубокая истина, тогда и противорѣчіе между вѣрой или религіей и разсудкомъ начинаетъ сказываться съ особенной отчетливостью. Разумѣется, вѣра тоже признаетъ свои объекты непостижимыми, противорѣчащими разуму; но она отличаетъ разумъ христіанскій отъ языческаго, просвѣтленный отъ естественнаго, но, впрочемъ, отличіе это выражаетъ собой только ту мысль, что лишь невѣрію объекты вѣры кажутся противными разуму; а кто однажды въ нихъ увѣровалъ, тотъ убѣжденъ въ ихъ истинности и признаетъ за ними авторитетъ высшаго разума.

Однако, даже при такой гармоніи между христіанской или религіозной вѣрой, съ одной стороны, и христіанскимъ или религіознымъ разумомъ, съ другой, остается еще существенное различіе между вѣрой и разумомъ, такъ какъ и вѣра не можетъ обходиться безъ естественнаго разума. Но естественный разумъ есть не что иное, какъ разумъ *κατ' ἐξοχήν*, *всеобщій* разумъ, разумъ, вооруженный всеобщими истинами и законами; напротивъ, христіанская вѣра или, что то же, христіанскій разумъ есть совокупность особенныхъ истинъ, особенныхъ привилегій и изъятій, слѣдовательно, *особенный* разумъ. Короче: разумъ есть правило, а вѣра исключеніе изъ правила. Поэтому даже при самой полной гармоніи неизбѣжно столкновеніе между обѣими силами, ибо специализованность вѣры и универсальность разума не вполне покрываютъ, насыщаютъ другъ друга; остается еще излишекъ — свободный

разумъ, который хотя въ извѣстные особые моменты выступаетъ самостоятельно и приходитъ въ столкновѣніе съ разумомъ, вѣрой проникнутымъ и опутаннымъ. Такимъ образомъ различіе между вѣрой и разумомъ обращается въ психологическій фактъ.

Сущность вѣры основывается не на томъ, въ чемъ вѣра согласуется со всеобщимъ разумомъ, а на томъ, въ чемъ она ему противорѣчитъ. Отличіе, своеобразие характеризуетъ вѣру, поэтому и содержаніе ея даже внѣшнимъ образомъ связано съ *особымъ* историческимъ моментомъ, особымъ мѣстомъ и наименованіемъ. Отождествлять вѣру съ разумомъ значитъ разжижать вѣру, затушевывать ея отличіе. Напримѣръ, если вѣру въ первородный грѣхъ я истолкую въ томъ смыслѣ, что человѣкъ по природѣ не таковъ, какимъ онъ долженъ быть, то этимъ я выскажу лишь общую раціоналистическую истину, которая извѣстна всякому и которую подтвердить даже грубый «человѣкъ природы» (дикарь), прикрывающій свою наготу простой звѣриной шкурой, ибо этимъ не выражаетъ ли онъ то, что человѣческій индивидъ по природѣ своей не таковъ, какимъ онъ долженъ быть. Конечно, въ основѣ понятія «первородный грѣхъ» лежитъ та же общая мысль, но въ объектъ вѣры, въ *религіозную* истину обращаетъ его моментъ своеобразія, отличія, не согласующійся съ всеобщимъ разумомъ.

Разумѣется, отношеніе мышленія къ объектамъ религіи, освѣщающее и просвѣтляющее ихъ, является въ глазахъ религіи или, по крайней мѣрѣ, теологіи моментомъ, разжижающимъ и разрушающимъ ее. Задача подлежащаго сочиненія въ томъ и состоитъ, чтобы показать, что основаніемъ сверхъестественныхъ мистерій религіи являются простыя естественныя истины, но при этомъ необходимо всегда имѣть въ виду существенное различіе между философіей и религіей, чтобы удалось намъ вскрыть не себя самихъ, а существо религіи. Существенное отличіе религіи отъ философій составляетъ символъ, *образъ*. Религія по существу своему драматична. Самъ Богъ есть существо драматическое, т. е. личное. Кто отрицаетъ образъ въ религіи, тотъ отрицаетъ ея вещьность, тотъ остается лишь при «мертвой головѣ» (*caput mortuum*). Образъ, *какъ образъ*, есть вещь.

Въ настоящемъ трудѣ образы религіи разсматриваются не какъ мысли (по крайней мѣрѣ, не въ смыслѣ спекулятивной философій религіи) и не какъ вещи, а только *какъ образы*, т. е. теологія трактуется не въ качествѣ мистической *прагматологіи*, какъ это дѣлаетъ христіанская мифологія, и не въ качествѣ *онтологіи*, какъ поступаетъ спекулятивная

философія религіи, а въ качествѣ психической *патологіи* (психопатологіи).

При этомъ авторъ слѣдуетъ совершенно объективному методу, методу аналитической химіи. Поэтому вездѣ, гдѣ только было нужно и возможно, цитированы документы частью въ самомъ текстѣ, а частью въ особомъ приложеніи, дабы подтвердить законность, т. е. объективную обоснованность заключеній, добытыхъ анализомъ. Поэтому, если результаты этого метода покажутся кому-либо странными и незаконными, то винить въ томъ приходится, по справедливости, не автора, а предметъ его изслѣдованія.

Не безъ основанія авторъ черпаетъ свои свидѣтельства изъ архива давно минувшихъ вѣковъ. Христіанство тоже имѣло свою классическую эпоху, а только истинное, великое, классическое заслуживаетъ упоминанія, неклассическое же есть достояніе комедіи и сатиры. Чтобы имѣть возможность разсматривать христіанство какъ объектъ, *достойный размышленія*, авторъ принужденъ былъ отрѣшиться отъ трусливаго, безхарактернаго, комфортабельнаго, беллетристическаго, кокетливаго и эпикурейскаго христіанства современниковъ и мысленно перенестись въ тѣ вѣка, когда невѣста Христова бывала еще цѣломудрой, непорочною Дѣвою; когда она еще не вплетала розъ и миртъ языческой богини Венеры въ терновый вѣнецъ своего небеснаго жениха, чтобы не лишиться чувствъ при видѣ страждущаго Бога; когда она, лишенная земныхъ сокровищъ, еще усматривала безмѣрное блаженство въ тайнахъ сверхъестественной любви.

Современное христіанство можетъ предъявить только одно свидѣтельство—свидѣтельство несостоятельности своей (*testimonia paupertatis*). Если оно еще и обладаетъ чѣмъ-нибудь, то этимъ оно *не себѣ* обязано: оно живетъ лишь подаяніемъ минувшихъ вѣковъ. Если бы современное христіанство было предметомъ достойнымъ философской критики, то авторъ и не сталъ бы обременять себя затратой силъ ума по составленію настоящаго труда. Что въ этой книгѣ доказывается, такъ сказать, а priori, а именно, что *тайна теологіи есть антропологія*, то уже давно доказано и подтверждено было а posteriori исторіей теологіи. «Исторія догмы» или, общѣе выражаясь, исторія теологіи есть «критика догмы», критика теологіи вообще. Теологія ужъ давно обратилась въ антропологію. Такъ исторія уже реализовала, сдѣлала предметомъ сознанія то, что *само по себѣ* составляло сущность теологіи,—и въ этомъ случаѣ методъ Гегеля есть методъ вполне вѣрный и исторически обоснованный.

Но хотя «бесконечная свобода и индивидуализмъ» современнаго общества всецѣло овладѣли христіанскою религіею и теологіею, такъ что уже давно уничтожилось различіе между производящимъ святымъ Духомъ божественнаго откровенія и потребляющимъ человѣческимъ духомъ, и бывшее сверхъестественное и сверхчеловѣческое содержаніе христіанства давно уже вполне натурализовано и антропоморфировано,—однако, сверхъестественная и сверхчеловѣческая сущность стараго христіанства, какъ привидѣніе, все еще преслѣдуетъ наше время и нашу теологію, благодаря ихъ нерѣшимости, половинчатости и безхарактерности. Но если бы авторъ поставилъ цѣлью своего труда доказательство того, что это современное «привидѣніе» есть лишь иллюзія, самообманъ человѣка, то подобная задача не представляла бы ни малѣйшаго философскаго интереса. Привидѣнія суть тѣни прошлаго, и необходимо они приводятъ насъ къ вопросу: чѣмъ было привидѣніе тогда, когда оно представлялось еще существомъ, надѣленнымъ плотью и кровью.

Тѣмъ не менѣе авторъ вынужденъ просить читателя благосклоннаго и въ особенности неблагосклоннаго не оставить безъ вниманія тотъ фактъ, что хотя онъ и черпаетъ изъ прошлаго, но пишетъ въ настоящее время и *для* настоящаго времени; что онъ поэтому не упускаетъ изъ виду современное привидѣніе, рассматривая его первоначальное существо; что хотя вообще содержаніе его книги паталогическое или физиологическое, но цѣль ея терапевтическая или практическая.

Цѣль эта состоитъ въ томъ, чтобы способствовать пневматическому (духовному) водолѣченію, указать на вліяніе и пользу холодной воды естественнаго разума, возстановлять старинную простую іоническую гидрологію въ области спекулятивной философіи и, прежде всего, спекулятивной философіи религіи. Но, какъ извѣстно, старое іоническое ученіе, въ особенности ученіе Фалеса, въ своей первоначальной формѣ, гласитъ слѣдующее: вода есть начало всѣхъ вещей и существъ, а значитъ, и боговъ, такъ какъ духъ или богъ, который по Цицерону assisteруетъ водѣ, при рожденіи вещей, въ качествѣ *особаго* существа, есть, очевидно, прибавленіе позднѣйшаго, языческаго теизма.

Сократовское «познай самого себя», истинный эпиграфъ и тема настоящей книги, отнюдь не противорѣчитъ простому естественному элементу іонической мудрости, по крайней мѣрѣ, правильно усвоенной. Именно, вода—не только физическое, созидающее и питающее вещество, какъ полагала

старая ограниченная гидрологія; она представляет также испытанное психическое и оптическое цѣлебное средство. Холодная вода проясняетъ взоръ. Какое наслажденіе хотя бы только смотрѣть на чистую воду! Какъ услаждаетъ она душу, какъ просвѣтляетъ духъ подобная оптическая ванна! Вода магической силой притягиваетъ насъ къ себѣ, въ глубь природы, но она же отражаетъ человѣку его собственный образъ. Вода есть символъ, образъ самосознанія, человѣческаго глаза; вода—естественное зеркало человѣка. Въ водѣ человѣкъ безбоязненно освобождается отъ всѣхъ мистическихъ покрововъ; водѣ человѣкъ ввѣряетъ самого себя въ своемъ настоящемъ, обнаженномъ видѣ; въ водѣ исчезаютъ всѣ супра-натуралистическія иллюзіи. Такъ нѣкогда въ водѣ іонической натурфилософіи погасъ и факелъ языческой астротеологіи.

Въ этомъ именно и заключается чудесная, цѣлебная сила воды, благодѣяніе и необходимость пневматическаго водолѣченія для такого робкаго, самообольщающагося и изнѣженнаго поколѣнія, какимъ является поколѣніе современное по преимуществу.

Мы, разумѣется, далеки отъ того, чтобы строить себѣ иллюзіи изъ чистой, какъ хрусталь прозрачной воды естественнаго разума и къ противоядію отъ супра-натурализма вновь подмѣшивать супра-натуралистическія представленія. Конечно, "Ἀριστον ὕδωρ (вода наилучшій элементъ); однако же и "Ἀριστον μέτρον (мѣра есть наилучшее). Равнымъ образомъ и сила воды есть сила, *въ себѣ самой* ограниченная, мѣрою и цѣлью опредѣленная. Существуютъ же болѣзни, которыя невозможно излѣчить водой. Такъ, прежде всего, неизлѣчима венерическая зараза современныхъ ханжей, риѣмоплетовъ и эстетовъ, которые измѣряютъ значеніе вещей только по масштабу ихъ поэтической привлекательности; которые такъ безчестны и безстыдны, что защищаютъ, за красоту и прелесть, иллюзіи, всѣми признанныя за таковыя; которые такъ пусты и лживы, что перестали понимать, что иллюзія до тѣхъ поръ лишь и *прекрасна*, пока она принимается не за иллюзію, а за *истину*. Впрочемъ, пневматическій врачъ-гидропатъ и не обращается къ такимъ безнадежно пустымъ и сладострастнымъ субъектамъ. Лишь тотъ достоинъ святого крещенія водой, кто скромный духъ истины ставитъ выше мишурнаго блеска лжи, кто въ истинѣ усматриваетъ красоту и безобразіе во лжи.

Л. Фейербахъ.